

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.33>

Маллаева Зулайхат Магомедовна, Рамазанова Залина Магомедрашидовна

ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ВОКАТИВЫ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Предметом исследования в статье являются гендерно маркированные обращения (вокативы) в дагестанских языках. Проанализирована система обращений, ориентированная на людей, основанная на гендерных отношениях. Выявлена семантическая мотивированность выбора формы обращения. Гендерно обусловленное употребление междометий характерно не только для дагестанских, но и для всех кавказских языков. Проведенный анализ показал, что для некоторых дагестанских языков характерна гендерная маркировка не только вокативных, но и ответных междометий и эмоционально-экспрессивных междометий, выражающих удивление или возмущение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(83). Ч. 2. С. 362-366. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Быкова И. А.** Типология портрета персонажа в художественной прозе А. П. Чехова // Языковое мастерство А. П. Чехова. Ростов н/Д: Издательство Ростовского государственного университета, 1990. С. 38-46.
4. **Малетина О. А.** Лингвостилистические особенности портрета как жанра художественного дискурса (на материале произведений Т. Драйзера): дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2004. 181 с.
5. **Михайлова Е. В.** Дидактическая модель совершенствования речевых умений учащихся на материале портрета как жанра // Ученые записки Института непрерывного педагогического образования. Новгород: Издательство Новгородского университета им. Ярослава Мудрого, 2000. Вып. 2. С. 177-180.
6. **Новиков Л. А.** Художественный текст и его анализ. М.: Русский язык, 1983. 300 с.
7. **Родионова Н. А.** Типы портретных характеристик в художественной прозе И. А. Бунина (лингвостилистический аспект): дисс. ... к. филол. н. Самара, 1999. 200 с.
8. **Сизова К. Л.** Типология портрета героя (на материале художественной прозы И. С. Тургенева): дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 1995. 152 с.
9. **Сырица Г. С.** Язык портрета в романах Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Воскресение»: дисс. ... к. филол. н. М., 1986. 254 с.
10. **Chopin K.** Bayou folk and night in Acadie. N. Y.: Penguin Books, 1999. 369 p.
11. **Golden A.** Memoirs of a Geisha. N. Y.: Vintage Contemporaries, 2006. 503 p.

**SPECIFICITY OF THE TYPOLOGICAL PORTRAIT DESCRIPTIONS IN ARTISTIC DISCOURSE
(BY THE MATERIAL OF A. GOLDEN'S AND K. SHOPIN'S WORKS)**

Maletina Oksana Andreevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Volgograd State University
okmaletina@yandex.ru

Isakovich Ekaterina Aleksandrovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Volgograd State Institute of Arts and Culture
kisakovich@kvalitet-v.ru

Malushko Elena Yur'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Volgograd State University
malushko_elena@mail.ru

The article considers the specificity of the typological portrait descriptions in artistic discourse. Relevance of the problem is explained by the interest for the creation of an artistic image combining a number of portrait descriptions, which are determined by the addresser's communicative intention to describe in detail the personage's appearance, clothes and character. Portrait descriptions in artistic discourse can be classified according to the methodology of creation, form and structure: the content of elements, the number of elements, and their compositional arrangement in the text. The paper aims to examine different portraitization techniques in the analyzed literary works.

Key words and phrases: artistic discourse; portrait; artistic image; direct portrait; indirect portrait; character-centered portrait.

УДК 811.351.1

Дата поступления рукописи: 18.02.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.33>

Предметом исследования в статье являются гендерно маркированные обращения (вокативы) в дагестанских языках. Проанализирована система обращений, ориентированная на людей, основанная на гендерных отношениях. Выявлена семантическая мотивированность выбора формы обращения. Гендерно обусловленное употребление междометий характерно не только для дагестанских, но и для всех кавказских языков. Проведенный анализ показал, что для некоторых дагестанских языков характерна гендерная маркировка не только вокативных, но и ответных междометий и эмоционально-экспрессивных междометий, выражающих удивление или возмущение.

Ключевые слова и фразы: дагестанские языки; гендерная маркировка; вокатив; мужская речь; женская речь.

Маллаева Зулайхат Магомедовна, д. филол. н., профессор
Институт языка, литературы и искусства имени Гамзата Цадасы
Дагестанского научного центра Российской академии наук, г. Махачкала
logika55@mail.ru

Рамазанова Залина Магомедрашидовна, к. филол. н.
Дагестанский институт развития образования, г. Махачкала
zalina.ramazanova.82@mail.ru

ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ВОКАТИВЫ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Современная лингвистика сместила акценты с исследования структурной организации языка на описание его коммуникативной функции. Изучение языка как средства общения предполагает перенос акцента

на лингвокультурологический аспект, на выявление и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и менталитета носителей языка. Смена приоритетов привела к смене объекта исследования. Современная наука о языке изучает не столько язык человека, сколько человека в языке. Хотя традицию изучения языка с точки зрения антропоцентризма в языкознании нельзя назвать новой, она восходит к Вильгельму фон Гумбольдту, который отождествлял язык народа с его духом и рассматривал язык как внешнее проявление духа народа [5, с. 68].

Актуальность представленной статьи обусловлена необходимостью введения в сферу гендерных исследований новых языковых данных, которые позволят исследовать типологически-релевантные особенности гендера. Научная новизна статьи определяется выбором в качестве предмета исследования междометий дагестанских языков, ранее не изученных в гендерной перспективе. Материал исследования получен путем элицитации и из научной литературы.

Данная статья преследует цель выявить гендерные стереотипы, лежащие в основе выбора вокативных междометий. Для достижения этой цели использован метод наблюдения над устной речью. Основная задача заключается в описании особенностей функционирования в дагестанских языках вокативных междометий, обусловленных гендерными стереотипами.

К ключевым (базовым) компонентам языка и культуры относятся гендер и гендерные стереотипы, которые находят отражение на разных уровнях языка: на фонологическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом, фразеологическом и паремиологическом. Понятие «гендер» с точки зрения социолингвистики включает в себя комплекс общественных и культурных норм, которых должны придерживаться члены социума в соответствии с их биологическим полом [4, с. 23].

Проблемы гендерных различий в дагестанских языках впервые исследует А. Г. Гюльмагомедов [6]. Особое внимание он уделяет изучению дифференциации мужской и женской речи в условиях билингвизма. Исследуя многочисленные формулы проклятий и благопожеланий, обслуживающих речевой этикет носителей лезгинского языка, А. Г. Гюльмагомедов [7] выделяет формулы речевого этикета, характерные исключительно для речи женщин.

В последнее время вопросы отражения гендера в лексике и во фразеологии лезгинского языка [9], лезгинского языка в сопоставлении с русским [10], аварского в сопоставлении с английским [15], лакского в сопоставлении с русским и английским [16] становились объектом исследования в диссертациях. Особый интерес именно к лексике и фразеологии оправдан тем, что единицы лексики и фразеологии являются наиболее релевантными для выявления гендерной специфики того или иного языка.

В квалификационной работе Б. М. Алиевой [2] проблемы гендера находят более широкое отражение, здесь исследуются разноуровневые гендерно маркированные единицы лакского и английского языков в сопоставительном и описательном аспектах. Учитывая многочисленность и многообразие дагестанских языков, можно сказать, что эти исследования составляют лишь каплю в море. В целом, лингвистическое дагестановедение только приступает к исследованию языков с точки зрения отражения в нем гендера.

Во всех дагестанских языках представлены формулы речевого этикета, которые характеризуются рядом примечательных особенностей и носят четко регламентированный гендерный характер. Так, некоторые вокативные междометия, обслуживающие речевой этикет носителей дагестанских языков, употребляются исключительно для привлечения внимания мужчин, в то время как другие вокативные междометия служат для оклика женщин. Обращение (вокатив) в дагестанских языках является наиболее распространенным гендерным маркером.

Гендерный аспект языковых средств обращения в дагестанских языках вызывает интерес и по той причине, что в некоторых горных районах Дагестана представлен обычай, когда замужние женщины табуируют имена не только мужей, но и родителей и родственников мужей. В ругульском языке, как отмечает С. М. Махмудова, междометие *гъей* согласно этикету, заменяет обращение к мужу или к жене по имени: *Гъей, миди рыкъа!* (к жене) / «Эй, иди сюда!»; *Гъей, миди йыкъа!* (к мужу) / «Эй, иди сюда!» [13, с. 224]. Можно сказать, что такое обращение характерно для всех дагестанских языков. Аналогичное явление имеет место и в даргинском языке, на это обратил внимание З. Г. Абдуллаев: «Муж, обращаясь к своей жене, по существующей в языке и народе традиции пользуется не собственным ее именем, а междометием *ъей* (диал. *жав*): *ъей, раши гъари ъиша!* “эй, иди-ка сюда!”. Жена, обращаясь к мужу, в свою очередь также называет его не по имени, а пользуется междометием *гъуй* (диал. *гъей, жей*): *гъуй, кайъи гъари беркайчи!* “эй, садись-ка есть!” (междометие не переводимо и не транслитерируемо).

Следует отметить, что эти междометия могут быть использованы и в обращении к иным лицам, вообще к мужчине и женщине, а не только к мужу и жене, но непременным условием их природного назначения является использование междометия *ъей* (диал. *жав*) при обращении мужчины к женщине, а междометия *гъуй* (диал. *жей*) при обращении женщины к мужчине» [1, с. 452].

В большинстве дагестанских языков наблюдается гендерная дифференциация при употреблении вокативных междометий. Например, в лакском языке при обращении к мужчине применяется вокатив *да!*, при обращении к женщине – вокатив *ил!*: *да, оърч!* «эй, мальчик», *да, адимина* «эй, мужчина», *да, Мурад* «эй, Мурад»; *ил, душ* «эй, девушка», *ил, щарсса* «эй, женщина», *ил Аминат* «эй, Аминат» и т.д. (из устной речи) (здесь и далее перевод авторов статьи. – З. М., З. Р.).

В одном из бесписьменных языков андийской группы аваро-андо-цезских языков – в годоберинском языке – П. А. Саидова выделяет разные звательные междометия по отношению к мужчинам и женщинам, она пишет: «... для оклика мужчины используется междометие *вой*, а для оклика женщины – *ой*» [17, с. 389]. Однако, как показывает языковой материал, эти междометия в годоберинском языке являются не звательными,

а ответными, звательные междометия совпадают с аварскими вокативными междометиями: *ле* – по отношению к мужчине и *йо* – по отношению к женщине. Например: *ле, Глалу!* «эй, Али!» (ответ – *вой*); *ле, ваа!* «эй, мальчик!» (ответ – *вой*); *йо, Глашур!* «эй, Ашур!» (ответ – *ой*); *йо, йаау!* «эй, девушка» (ответ – *ой*) и т.д.

Четкая семантическая мотивированность выбора междометия обращения: *ъей* (диал. *жав*), *гъуй* (диал. *гъей*, *жэй*), и ответных междометий: *йей*, *йав* имеет место в даргинском языке. Гендерно маркированные вокативные междометия даргинского языка *ъей* (*жав*), используемые исключительно при обращении мужчины к женщине, и междометия *гъуй* (диал. *жэй*), используемые только при обращении женщины к мужчине, З. Г. Абдуллаев называет междометиями «классно-семантического противопоставления», нарушение этой закономерности рассматривается им как позднейшая инновация [1, с. 452].

В аварском языке представлены как гендерно маркированные, так и гендерно нейтральные вокативные междометия. К последним относится вокатив *ва*, который применяется без ограничений для привлечения внимания как при обращении к мужчинам, так и при обращении к женщинам, например: *ва, Муса!* «эй, Муса!»; *ва, Аминат!* «эй, Аминат!». Данное обращение преимущественно применяется в сочетании с личными именами. Хотя возможно и употребление за пределами личных имен, например: *ва, эбел!* «эй, мама!»; *ва, вац!* «эй, брат!»; *ва, дир гъудул!* «о, мой брат!» и т.д. Вокатив *ва* представлен и во многих дагестанских языках и применяется без ограничений как при обращении к мужчинам, так и при обращении к женщинам.

Для привлечения внимания только мужчин в аварском языке употребляется «мужской» вокатив *ле*, например: *ле, мадугъал!* «эй, сосед!», *ле, гъудул!* «эй, друг!», *ле, вас!* «эй, парень!» и т.д. В некоторых говорах и диалектах аварского языка вокатив *ле* применяется также и для привлечения внимания нескольких женщин одновременно. Так, при обращении к группе женщин употребляется преимущественно вокатив *ле*, например: *ле, руччаби!* «эй, женщины!», *ле, ясал!* «эй, девушки!» и т.д. При обращении к группе людей, состоящих из мужчин и женщин, также употребляется «мужской» вокатив *ле*, например: *ле, Гадамал!* «эй, люди!», *ле, росуоял!* «эй, земляки!», *ле, гъудулзаби!* «эй, друзья!» и т.д.

Вокатив *йо* можно применять только при обращении к женщинам или девушкам (девочкам), например: *йо, берцинай!* «эй, красавица!», *йо, йас!* «эй, девушка!» и т.д. В анлауте «женского» вокатива *йо* находится показатель женского (второго) грамматического класса *й-*. В отличие от вокатива *ле*, вокатив *йо* не применяется для обращения к мужчинам ни в одном из говоров или диалектов аварского языка. Применение вокатива *йо* для обращения к мужчинам может иметь место, но носит исключительно уничижительный характер.

Гендерно обусловленное употребление междометий характерно, видимо, для кавказских языков в целом – если не всех, то большинства из них. Так, в чеченском языке, как установлено Л. М. Бахаевой, «при изучении речевого поведения мужчин и женщин со стороны гендера особую роль занимают междометия». В частности, при обращении мужа к жене (оклике) употребляется междометие *йу//хIе*, при обращении женщины к мужчине – *ва* [3, с. 119]. Л. М. Бахаева указывает на факт отсутствия в чеченском языке междометий, употребляемых только по отношению к мужчинам, тогда как «женские междометия» достаточно широко распространены [Там же, с. 120].

В кабардино-черкесском языке мужские и женские междометия отличаются анлаутными звуками: для женских междометий характерным является анлаутный *а-* (*а-на гуцэ*, *а-на мыгъуэ*, *адыдыд* (*мыгъуэ/гуцэ*), *асымыгъуэ*, *аIей мыгъуэ* и т.д.) [8, с. 368]. Мужские междометия, как правило, начинаются со звука *I:* *Iагъ*, *Iагъу*, *Iэгъ*, *Iау* [Там же, с. 369]. Примечательно, что в кабардино-черкесском языке в «разграничении междометий на “мужские” и “женские” некоторые диалекты проявляют свои особенности. Так, например, для жителей Малой Кабарды вполне приемлемым является употребление в речи женщин междометия *уэлэхьи* “валлаги”, которое в других диалектах кабардино-черкесского языка является сугубо мужским» [19, с. 116].

Особенностью дагестанских языков является наличие в них гендерно маркированных ответных междометий. В даргинском языке в ответ на обращение мужчины употребляет ответное междометие *йей*, а женщина – ответное междометие *йав*, например: *ва, Хасай!* «эй, Хасай» (ответ – *йей!*); *ва Муса!* «эй, Муса!» (ответ – *йей!*); *ва Хадижат!* «эй, Хадижат!» (ответ – *йав!*); *ва Аминат!* «эй, Аминат» (ответ – *йав!*); *ва, рурси!* «эй, девушка!» (ответ – *йав!*); *ва, урши!* «эй, парень!» (ответ – *йей!*) и т.д. В дагестанских языках гендерно маркируются не только вокативные и ответные междометия, но и некоторые эмоционально-экспрессивные междометия, выражающие различные эмоции: удивление, радость, восторг, страх, боль, тревогу, возмущение.

В лакском языке имеются два эмоциональных междометия *гъар* и *ярч*, которые в зависимости от контекста могут выражать различные эмоции: удивление, недовольство, возмущение. Применение данных междометий в лакском языке носит регламентированный гендерный характер. Б. М. Алиева отмечает гендерно маркированный характер междометий, которые выражают различные эмоции, такие как: удивление, возмущение, агрессия. Междометие *гъар* применяется исключительно в женской речи при обращении как к мужчине, так и к женщине. Междометие *ярч* применяется только при обращении к мужчине/мужчинами [2, с. 13].

Аналогичная ситуация имеет место и в даргинском языке. Здесь мужчины и женщины для выражения одинаковых эмоций (недовольства и удивления) пользуются разными междометиями. Для выражения недовольства или несогласия междометие *ъи* употребляется только мужчинами, а междометие *ва* – только женщинами. В анлауте даргинских эмоциональных междометий, посредством которых выражается недовольство, представлены форманты мужского грамматического класса *ъ-* (*ъи*) и женского грамматического класса *в-* (*ва*).

В большинстве дагестанских языков для обращения к дяде и тете применяются композиты, состоящие из сочетания терминов родства *отец* или *мать* в форме родительного падежа со словами *брат* или *сестра*,

например, в аварском языке: *инссул вацц* «дядя (по отцу)», букв. «отца брат», *инссул йацц* «тетя (по отцу)», букв. «отца сестра», *эбе(ла)льльул вацц* «дядя (по матери)», букв. «матери брат», *эбе(ла)льльул йацц* «тетя (по матери)», букв. «матери сестра»; в даргинском языке: *дудешла рузи* «тетя (по отцу)», букв. «отца сестра», *нешла рузи* «тетя (по матери)», букв. «матери сестра», *нешла у(д)зи* «дядя (по матери)», букв. «матери брат», *дудешла у(д)зи* «дядя (по отцу)», букв. «отца брат».

В языках лезгинской группы представлена иная система вокативов, обслуживающих данную сферу. В лезгинском и табасаранском языках применяются разные термины для обращения к дяде по отцу и к дяде по матери, например, в лезгинском языке: *ими* (диал. *амле*) «дядя (брат отца)» и *халу* «дядя (брат матери)»; в табасаранском языке: *ими* (диал. *эм*) «дядя (брат отца)» и *халу* «дядя (брат матери)». Различаются также и сферы функционирования данных лексем. Как отмечает М. К. Халимбекова, «в вокативной функции слово *ими* “дядя (брат отца)” употребляется только при обращении к родному дяде, т.е. в кругу семьи. Слово *халу* “дядя со стороны матери (брат матери)” может употребляться в функции вокатива как при обращении к родному дяде, так и при обращении к постороннему мужчине, к любому взрослому мужчине» [18, с. 68].

Сестра отца и сестра матери также обозначаются разными терминами, в лезгинском и табасаранском языках тетя со стороны матери – это *хала*. Вокатив *хала* применяется также для обращения к посторонним взрослым женщинам. Тетя со стороны отца в лезгинском – *эме* (диал. *биби*), в табасаранском – *эм* (диал. *им*), употребляется исключительно при обращении к родной сестре отца. Это свидетельствует о высоком аксиологическом статусе ближайших родственников со стороны отца в системе семейных ценностей носителей лезгинских языков.

В некоторых говорах аварского языка наблюдаются гендерные различия в функционировании местоимения первого лица. Особенности употребления личных местоимений в речи мужчин и женщин в келебском говоре аварского языка отмечал Ш. И. Микаилов: «... в речи мужчин совсем нет именительного падежа от личного местоимения 1-го лица единственного числа; вместо него употребляют эргативный падеж. В речи женщин, наоборот, совсем нет эргативного падежа от того же местоимения» [14, с. 427]. Различия в употреблении личных местоимений в речи мужчин и женщин имеют место и в кегерском говоре андалальского диалекта аварского языка [11, с. 86].

В собственно андийском диалекте андийского языка различаются формы личных местоимений в мужской и женской речи. В мужской речи личное местоимение 1 лица будет *дин* «я», а личное местоимение 2 лица *мин* «ты», а в речи женщин соответственно – *ден* «я» и *мен* «ты» [12, с. 105].

Анализ вокативов дагестанских языков выявил, что гендерный аспект наиболее чётко отображается в звательных междометиях. В некоторых языках гендерные отношения проявляются также в выборе ответных междометий и (реже) эмоционально-экспрессивных междометий.

Список источников

1. Абдуллаев З. Г. Даргинский язык: в 3-х ч. М.: Наука, 1993. Ч. 2. Морфология. 473 с.
2. Алиева Б. М. Гендерно-обусловленные структурные аспекты стратегии речевого поведения в лакском и английском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2009. 31 с.
3. Бахаева Л. М. Гендерный фактор в чеченском языке. Грозный: ЧГУ, 2009. 193 с.
4. Воронина О. А. Теория и методология гендерных исследований: курс лекций. М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. 416 с.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; под ред. проф. Г. В. Рамишвили. М.: ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
6. Гюльмагомедов А. Г. Гендерная лингвистика или лингвистическая гендерология (к проблеме исследования на материале дагестанских языков) // Языкознание в Дагестане. 2004. № 7. С. 5-16.
7. Гюльмагомедов А. Г. Фразеология лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 99 с.
8. Кабардино-черкесский язык: в 2-х т. / гл. ред. М. А. Кумахов. Нальчик: Эль-Фа, 2006. Т. 2. 520 с.
9. Магамдаров Р. Ш. Лингво-культурологический анализ концепта «Фемина» в лезгинском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 1999. 21 с.
10. Магамедова М. М. Сопоставительное исследование гендерной лексики и фразеологии лезгинского и русского языков: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2006. 21 с.
11. Маллаева З. М., Адухова Э. З. Грамматикализация пространственных значений в дагестанских языках // Вестник Дагестанского научного центра Российской академии наук. 2008. № 30. С. 81-86.
12. Маллаева З. М., Адухова Э. З. Соответствие между логическими и грамматическими категориями в синтаксической структуре дагестанских языков // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии: материалы конференции, посв. 80-летию ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. Махачкала, 2008. С. 104-114.
13. Махмудова С. М. Морфология рутульского языка. М.: Советский писатель, 2001. 255 с.
14. Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 511 с.
15. Мисиева Л. А. Гендерная фразеология аварского языка в сопоставлении с английской: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2009. 25 с.
16. Рамазанова З. М. Сопоставительное исследование гендерной фразеологии в лакском, русском и английском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2011. 25 с.
17. Саидова П. А. Годоберинский язык // Языки Дагестана. М. – Махачкала: Офсет, 2000. С. 378-389.
18. Халимбекова М. К. Этикетная лексика в языках различных культур: лезгинском и английском. Махачкала: АЛЕФ, 2012. 147 с.
19. Черкесова З. В., Габунни З. М. Гендерные эмотивные различия в кабардино-черкесском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (140). С. 111-116.

GENDER-MARKED VOCATIVES IN DAGESTANI LANGUAGES

Mallaeva Zulaikhat Magomedovna, Doctor in Philology, Professor
*Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa of Dagestan Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala*
logika55@mail.ru

Ramazanova Zalina Magomedrashidovna, Ph. D. in Philology
Dagestan Institute of Education Development, Makhachkala
zalina.ramazanova.82@mail.ru

The article discusses the issues of gender-marked addresses (vocatives) in Dagestani languages. The authors analyze the system of addresses focused on people and based on gender relations. The semantic relevance of the choice of the address form is revealed. The gender-conditioned use of interjections is characteristic not only for Dagestani, but for all Caucasian languages. The research has shown that for some Dagestani languages gender marking is a feature of not only vocative but also reciprocal and emotional-expressive interjections expressing surprise or indignation.

Key words and phrases: Dagestani languages; gender marking; vocative; male speech; female speech.

УДК 81`42

Дата поступления рукописи: 01.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.34>

В статье излагается результат разработки модели когерентного представления лингвистических и когнитивных явлений на материале англоязычных спортивных интервью. Интервью рассматривается как один из основных жанров спортивного дискурса. В исследовании предлагается модель анализа спортивного интервью, состоящая из четырех этапов. Данный анализ позволил выявить семантические закономерности коммуникации, характерные для интервью как жанра спортивного дискурса. Определены иерархические структурные комплексы, представляющие собой систему взаимообусловленных и взаимозависимых элементов с последовательной организацией, являющиеся основой спортивного интервью.

Ключевые слова и фразы: спортивный дискурс; жанр спортивного дискурса; интервью; лингво-когнитивный анализ; коммуникация.

Новикова Екатерина Александровна

Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
eka6694@yandex.ru

**ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СПОРТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЫ)**

Интервью является одним из наиболее ценных интерактивных жанров дискурса в информационном плане. Традиционно принято считать, что жанр интервью зародился в XIX веке. Именно в этот период интервью приобрело специфические жанровые черты, такие как фиксированные клише, четкий порядок вопросов и ответов, риторические приемы. Тем не менее только в XX веке жанр интервью приобрел свою современную форму и достиг расцвета в связи с тем, что данный вид массовой коммуникации стал выступать в качестве основного достоверного новостного источника, а также как действенный инструмент влияния на общественное мнение.

В свете лингво-когнитивного подхода интервью представляется как один из поведенческих и деятельностных жанров дискурса, опирающийся на первоначальную коммуникативную единицу – диалог. Таким образом, интервью – это «связанная конкретной задачей система вопросов в фиксированной последовательности», направленная на выявление искомых ответов «путем установления контакта между журналистом и интервьюируемым» [4, с. 10]. Следует добавить, что интервью рассматривается как репрезентативный и надежный источник информации при изучении языковой личности, специфики контекста и конситуации [15].

Целью данной работы является исследование реального языкового **взаимодействия** на материале спортивного англоязычного интервью. Гипотеза работы заключается в том, что изучение интеграции лингвистических маркеров и риторических структур способствует выявлению способов когнитивного «встраивания» личности в социум в целом и профессиональную среду в частности. Этим обусловлена актуальность данного исследования. В работе представлен результат авторской разработки модели когерентного представления лингвистических и когнитивных явлений на материале спортивного дискурса в форме интервью.

Материалом исследования послужили тексты англоязычных спортивных интервью общим объемом 200 страниц. Методика, используемая в работе, базируется на когнитивно-коммуникативном подходе, позволяющем наиболее полно изучить семантические и когнитивные структуры, а также эксплицировать специфику речевых актов спортивного интервью; для выявления структурно-содержательных и функциональных закономерностей спортивного интервью используется фреймовый анализ.